

Глава 5

***

Два дня спустя

Спустя два дня Юэ Цянь, прихватив деньги, отправился на поиски Инь Мо. Сельское празднование Нового года оказалось для него в новинку, поэтому он не спешил в дом семьи Инь, а шёл неспешно, с интересом разглядывая всё вокруг.

Сегодня в деревне было особенно людно. Вернувшиеся из городов привезли родным обновки и технику; почти каждый встречный щеголял в новой одежде. Любопытно было другое: даже при внешнем сходстве нарядов Юэ Цянь с первого взгляда понимал, кто прожил в деревне всю жизнь, а кто год за годом пробивал себе путь на чужбине.

В тех, кто уже покинул эти края, сквозила особая смесь гордости и высокомерия. На малую родину они смотрели так, словно примеряли дорожную, но безнадёжно старомодную вещь: выбросить жалко, а носить уже не станешь.

Взрослые ещё пытались это скрывать, но их дети, рождённые в городе, в притворстве не нуждались. Впереди послышался детский гам. Голоса показались Юэ Цяню знакомыми, и, подойдя ближе, он действительно увидел двух старых знакомых — внуков старика Чжоу, толстого и худого.

Старший сегодня был облачён в брендовые вещи, на ногах красовались эффектные чёрно-красные кроссовки. Взобравшись на каменный стол, он во всеуслышание хвастался знаниями, почерпнутыми на дополнительных занятиях. Младший брат, который дома вечно с ним враждовал, здесь охотно признавал в нём вожака и первым хлопал в ладоши после каждой фразы.

Офицер прислушался. Мальчишка рассуждал об эпохе Сражающихся царств и философских школах Древнего Китая, мешая официальную историю с городскими легендами. В обычных школах об этом рассказывают вскользь, но современные дети находят способы узнать больше.

У деревенских ребят из Цзячжи таких возможностей не было, и те немногие, кто слушал городского гостя, замерли от восхищения. Один совсем худенький мальчик прошептал:

— Брат, ты так много знаешь!

Старший внук подбоченился:

— Подумаешь! Это же элементарные вещи. Что ещё хотите послушать? Пока я здесь, буду проводить для вас уроки!

Юэ Цянь негромко усмехнулся, но его смех утонул в более громком хохоте. Смуглый паренёк, сидевший на ветке дерева, держал одну сигарету за ухом, а другую — в зубах.

— Подумаешь, в городе живёт! Чего выпендриваешься?

Дети задрали головы. Младший внук Чжоу пискляво выкрикнул:

— Ван Сюэцзя, ты-то что понимаешь! Ты хоть что-то из того, что брат рассказал, слышал раньше?

Ван Сюэцзя спрыгнул на землю:

— И что с того, что слышал? Эти знания помогут костёр развести? Или обед сварить?

— Пф! — старший внук презрительно хмыкнул. — Видимо, ты всю жизнь только и будешь делать, что костры жечь да кашу варить. Человеку, помимо сытости, нужны высокие духовные стремления, но тебе этого не понять. Мне даже противно с тобой разговаривать!

Юэ Цянь наблюдал за зрелищем, скрестив руки на груди.

«Да я смотрю, тебе очень даже нравится с ним препираться»

— Если бы никто костры не жёг и обеды не варил, ты бы давно с голоду сдох и не смог бы тут разглагольствовать, — Ван Сюэцзя был выше и, судя по всему, старше городского задиры, поэтому смотрел на него сверху вниз.

Это явно задело старшего внука Чжоу. Он подпрыгнул, задыхаясь от ярости:

— Да ваша семья такая нищая, что если бы не помощь моего деда, ты бы тут и рта раскрыть не посмел! А откуда у деда деньги? Мой папа даёт!

Тут в спор вклинился младший брат:

— И мой папа тоже даёт!

В глазах Ван Сюэцзя на миг вспыхнул гнев, но он быстро взял себя в руки.

— Ладно, спасибо за подачки. Раз уж вы редко тут бываете, может, научить вас настоящим деревенским забавам?

Братья, собиравшиеся продолжить ссору, мгновенно притихли. Младший с любопытством спросил:

— Каким забавам?

Ван Сюэцзя победно улыбнулся:

— Взрывать выгребную яму. Пробовали когда-нибудь?

Юэ Цянь не нашёлся, что сказать.

«...»

«Брат Ван, ты серьёзно?»

При упоминании выгребной ямы деревенская ребятня пришла в неопишуемый восторг. Глаза старшего внука Чжоу азартно блеснули:

— Кто будет взрывать, ты или я?

— Если хочешь, я тебе уступлю, — милостиво разрешил Ван Сюэцзя.

— Идёт! — пацан решительно сжал кулаки.

Когда толпа уже была готова двинуться к отстойникам, Юэ Цянь схватил Ван Сюэцзя за шиворот. Мальчишка обернулся и с нескрываемой злостью огрызнулся:

— Юэ Цянь, тебе-то что за дело?

— Мне тоже охота посмотреть, как ямы взрывают. Запрещено, что ли? — Юэ Цянь не успел договорить, как ловко выхватил сигарету изо рта мальчишки.

— Эй!

— Детям вредно. Конфисковано.

Ван Сюэцзя смерил его тяжёлым взглядом и бросил на ходу:

— Ну, ты у меня ещё дождёшься!

По дороге к отстойникам к процессии примкнули ещё несколько детей, приехавших к родителям. Старший внук Чжоу не поскупился на петарды — они были у каждого.

Юэ Цянь следовал за ними. С одной стороны, ему самому было любопытно глянуть на это безумие, с другой — он опасался, как бы дети по неосторожности не натворили бед.

На месте стояло невыносимое зловоние. Большинство ребят, хоть и шумели громче всех, подходить близко не решались. Младший внук Чжоу спрятался подальше, а Ван Сюэцзя с усмешкой подначивал:

— Ну же, братец Чжоу, иди!

Под одобрительные выкрики толпы старший внук, желая показать себя, подошёл почти к самому краю ямы. Юэ Цянь окликнул его, но тот даже не обернулся, решив бросать петарду с максимально близкого расстояния.

— Ещё шаг, и я всё вашим родителям доложу! — крикнул Юэ Цянь.

Услышав про родителей, самые пугливые тут же дали деру. Ван Сюэцзя недовольно зыркнул на полицейского, а старший внук поколебался, но всё же отступил на пару шагов.

— Бросаю!

Петарда шлёпнулась в жижу. Раздалось бульканье, но ничего не произошло. Ребята засмеялись:

— Не взорвалось! Мало положил!

Мальчишка бросил ещё одну. Юэ Цянь напрягся, стараясь не подпускать его ближе. Внезапно поверхность ямы забурлила.

— Бегите! — во всю глотку заорал Юэ Цянь.

Старший внук в ужасе бросился наутёк, остальные дети с визгом кинулись врассыпную. В следующую секунду яма изверглась подобно вулкану. Зловонный ливень накрыл округу: старший внук Чжоу оказался буквально с головы до ног залит нечистотами, не повезло и тем, кто бежал медленнее всех.

Однако эти сорванцы смеялись так искренне, как никто другой. Юэ Цянь убедился, что на него не попало ни капли.

«Посмотрим, как вы будете смеяться, когда домой вернётесь»

Оставив «подрывников», Юэ Цянь вернулся к оживлённым улочкам. Вскоре он заметил, что за ним кто-то следует. Обернувшись, он снова увидел знакомую пару — Цю Цзиньбэя и его девушку Лю Ланьшань.

На этот раз камера в их руках была нацелена прямо на него.

Годы работы в уголовном розыске приучили Юэ Цяня остро реагировать на слежку и скрытую съёмку. Лицо его мгновенно помрачнело, и он направился к ним. Хотя сейчас он был в теле двадцатидвухлетнего бездельника, когда он хмурился, в его взгляде появлялась ледяная решимость, которую невозможно было игнорировать.

Цю Цзиньбэй, только что о чём-то весело болтавший с подругой, при виде Юэ Цяня осекся. Он невольно отступил на шаг, но, тут же устыдившись своей слабости, выкрикнул:

— Чего уставился?

— Это я должен спросить — чего уставились? — Юэ Цянь скрыл напор, и на его губах заиграла улыбка. — Знаю, что красавец, но, может, стоит снять меня анфас?

Лю Ланьшань по-свойски хлопнула его по плечу:

— Ой, прости-прости! Мы без спроса начали снимать. Но мы ничего плохого не замыслием, просто фиксируем, как проходит Новый год в деревне. Ты такой видный парень, что мы просто не удержались.

Юноша понял, что погорячился. Холод во взгляде исчез, уступив место привычному беззаботному выражению «оригинала»:

— Ну-ка, дайте взглянуть!

Лю Ланьшань тут же выхватила телефон у Цю Цзиньбэя:

— Не переживай, ты и впрямь отлично получился! А Бэй сказал, что ты полицейский, поэтому лицо мы в кадр не брали!

Проверив запись, Юэ Цянь убедился, что это обычный репортаж. Возвращая телефон, он спросил:

— В сеть выкладывать будете?

— Ланьшань — известный блогер, — Цю Цзиньбэй смерил Юэ Цяня пренебрежительным взглядом. — Тебе не понять.

— Вот потому и хочу поучиться у городских, — парировал Юэ Цянь. — Сестра Лю, покажи свои работы.

— Ой, с радостью! — Лю Ланьшань тут же открыла приложение. — Вот это видео набрало больше всего просмотров, это — самое свежее, а это мои подписчики...

Она говорила быстро, и пальцы её так же стремительно летали по экрану. Юэ Цянь не успевал вникать в детали, но запомнил её псевдоним.

«Сестрица Ланьшань: Замуж в деревню»

Странное название.

— Сестра Лю, да ты настоящая звезда, столько фанатов, — заметил Юэ Цянь. — Всю нашу деревню уже отсняла?

Польщённая Лю Ланьшань расплылась в улыбке, но вдруг помрачнела и вздохнула:

— Да где там... Не все разрешают снимать.

— И кто же против?

— Тот тип из дома Инь и Тётушка Лю, — Ланьшань хотела продолжить, но Цю Цзиньбэй перебил её:

— Не разрешают — и не надо. Только время на них тратить, одни неприятности.

Лю Ланьшань возразила:

— Нельзя так говорить. Я ещё что-нибудь придумаю.

Цю Цзиньбэйю явно не нравилось, что его девушка заговорила с Юэ Цянем, и он потащил её прочь.

— Ставь лайки сестрёнке! — Лю Ланьшань обернулась и крикнула на прощание.

Миновав рыночные ряды, Юэ Цянь наконец дошёл до дома семьи Инь. Ворота были наглухо

закрыты — Инь Мо явно не было дома. Зато в соседнем дворе семьи Ань, который раньше всегда пустовал, сегодня теплилась жизнь: Ань Сю мастерил очередные бумажные подношения.

Юэ Цянь помедлил у входа. Ань Сю поднял голову, взгляд его был настороженным.

— Тебе чего?

Юэ Цянь кивнул в сторону соседнего забора:

— Где твой брат Инь?

— Он... — Ань Сю вопросом на вопрос ответил: — Зачем он тебе?

Юэ Цянь помахал купюрами:

— Долг принёс.

Ань Сю опустил глаза:

— Он взял заказ, вряд ли скоро вернётся. Оставь деньги мне, я передам.

— Понятно, — Юэ Цянь уже шагнул во двор, собираясь положить деньги, но вдруг передумал и убрал их обратно в карман. — И где он сейчас работает?

Ань Сю нахмурился:

— Я твои деньги не украду.

— Да я сам человек небогатый, — притворно вздохнул Юэ Цянь, — спокойнее будет лично в руки отдать.

Ань Сю окончательно потерял терпение:

— Тогда сам его ищи.

Юэ Цянь не понимал, почему тот скрытничает, но, не добившись ответа, решил не настаивать. На обратном пути, проходя мимо дома Чжоу, он, как и ожидал, услышал вопли старшего внука, которому явно задавали трёпку.

Время близилось к вечеру. Юэ Цянь собирался помочь деду с ужином, но на повороте в переулок снова увидел Лю Ланьшань. Она была одна, без Цю Цзиньбэя, и, похоже, исподтишка кого-то снимала. Юэ Цянь не успел разглядеть объект её интереса — она быстро скрылась за углом.

Едва переступив порог дома, он ощутил аппетитные ароматы.

— Дедуль, я вернулся!

***

Канун Нового года

Наступил канун Нового года, а Юэ Цянь так и не вернул долг Инь Мо. Похоже, дела у того шли в гору — в деревне он так и не появился.

Праздничный ужин в доме Юэ нельзя было назвать роскошным, но на столе были и рыба, и мясо. Старик Юэ приготовил основные блюда, а Юэ Цянь сообразил три закуски. Когда стемнело, небо расцветилось огнями фейерверков. К восьми часам стол уже прибрали, оставив лишь холодные нарезки и арахис — у деда была нерушимая традиция встречать праздник за просмотром гала-концерта.

Юэ Цянь честно пытался смотреть. Сначала ему было любопытно, каков этот праздник в ином мире, но через десять минут интерес угас. Столь безмятежный и даже скучноватый канун Нового года был для него в диковинку. Он поднялся и накинул куртку:

— Пойду на салюты гляну.

На окраине деревни была специально отведённая площадка для запуска пиротехники. Юэ Цянь рассеянно наблюдал за огнями, как вдруг его внимание привлёк громкий разговор: обсуждали покойника в соседней деревне Хуэйпин. Он тут же, словно ведомый невидимым магнитом, придвинулся ближе.

— Только-только человек домой на праздник приехал... Говорят, успешный был, денег мешками ворочал, всем родственникам подарки раздавал, а тут — на тебе, помер. Вот и думай теперь: лучше б и не возвращался!

— А чего стряслось-то?

— Да кто ж его знает! Полиция наехала, тело, говорят, ещё в участке, не отдают. Да и семейка у них с причудами: вздумали на Новый год пир горой закатить, наприглашали всяких ритуальщиков.

— Это ж надо — всей деревне праздник испортить!

— И не говори! Слушай, а тот, из семьи Инь, тоже там был?

— А как же без него? Ну и ладно, хоть из нашей деревни всю заразу унёс!

Деревня Хуэйпин тоже была в ведении посёлка Цзячжи. Неужели там произошло убийство? И почему Юэ Цянь не помнит ничего подобного в жизни «оригинала»?

Размышляя об этом, он сам не заметил, как оказался на дороге в Хуэйпин. Вокруг стояла непроглядная темень, спасал лишь фонарик на старом телефоне. Подходя к цели, Юэ Цянь невольно посмеялся над собой. Всё-таки привычка — вторая натура: стоило услышать о смерти, как ноги сами понесли на место происшествия.

Деревня Хуэйпин была заметно крупнее Цзячжи, и дома здесь выглядели куда богаче. Однако, в отличие от шумного праздника в родных местах, здесь царила гнетущая тишина — почти никто не решался запускать петарды.

Юэ Цянь направился к центру деревни. Вскоре послышались редкие хлопки, но внезапно их полностью перекрыл резкий, пронзительный звук соны.

В памяти тут же всплыла недавняя сцена во дворе Ань Сю: при звуках этого инструмента люди мгновенно замолкали.

На этот раз сона не утихала долго, становясь всё задорнее. Затем зазвучала музыка, мужские и женские голоса запели в манере традиционной оперы, выводя причудливые рулады.

По коже Юэ Цяня пробежали мурашки. Он не верил в призраков, но сочетание соны и оперного пения в траурном зале наводило жуть.

Он продолжил путь к месту обряда. Там было на удивление людно: толпа колыхалась в свете фонарей, повсюду висели венки, а траурные стяги развевались на ночном ветру.

Протиснувшись сквозь толпу, Юэ Цянь увидел огромный чёрно-белый портрет. С него смотрел мужчина лет шестидесяти с правильными, благообразными чертами лица.

Большинство присутствующих были родственниками покойного, но хватало и зевак из соседних деревень, пришедших поглазеть на церемонию. Местных же почти не было видно. Юэ Цянь, притворившись обычным любопытным, прихватил горсть семечек.

Вскоре его взгляд приковало действие на сцене. Там выступал актёр в амплуа «дань» — в синем фиолетовом оперном одеянии. Черты его лица были полностью скрыты под слоями грима,

голова увенчана массивным, сверкающим венцом. Несмотря на тяжесть наряда, актёр двигался с невероятной лёгкостью, взмахивая длинными рукавами и выводя безупречную мелодию.

Юэ Цянь не отрывал от него глаз. Хотя он не понимал ни слова, мастерство исполнения было очевидным, но больше всего его поразила красота исполнителя. В какой-то момент их взгляды встретились. Юэ Цянь многозначительно выгнул бровь, и актёр, словно смутившись, кокетливо отвёл взор.

«Ого»

Юэ Цянь мысленно выругал себя за легкомыслие.

«Надо же было додуматься — флиртовать с артистом на чужих похоронах!»

Сцена закончилась, и на подмостки вышли другие исполнители — современные певицы, затянувшие поп-шлягеры. Юэ Цянь ещё какое-то время бродил вокруг, заглянул даже за кулисы, но Инь Мо так и не встретил.

Тут зазвонил телефон. Дедушка Юэ был краток:

— А ну живо домой, спать пора!

Спорить со стариком не стоило, и Юэ Цянь быстрым шагом направился обратно.

В Цзячжи всё ещё гремели салюты, а после полуночи канонада петард стала совсем оглушительной. Юэ Цянь заснул тяжёлым, беспокойным сном. В зыбком мареве видений ему грезилось, как шёлковый рукав оперного платья касается его лица. Лишь под утро наваждение отступило, и он провалился в глубокий сон до самого полудня.

***

Первый день Нового года

Первый день нового года выдался ясным. Старик Юэ накрыл стол прямо во дворе. Юэ Цянь не успел толком приступить к еде, как по переулку пронёсся слух: с той городской девицей, Лю Ланьшань, случилась беда.